

Научная статья

УДК 343

EDN: WVHZII

НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫЕ ТОКЕНЫ (NFT) КАК ПРЕДМЕТ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ**Денис Евгеньевич Кузнецов**

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

goodjobman@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируется правовой статус невзаимозаменяемых токенов (NFT) в Российской Федерации, возможность их выступления в качестве предмета взятки в соответствии с действующим законодательством. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития правового регулирования данной сферы.

Ключевые слова: взятка, токен, невзаимозаменяемый токен, NFT, уголовный кодекс, криптоактив

Для цитирования: Кузнецов Д.Е. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как предмет получения взятки // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 2(23). С. 31–37. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2023/06/004.pdf>. EDN: WVHZII.

Original article

NON-FUNGIBLE TOKENS (NFT) AS A SUBJECT OF BRIBERY**Denis E. Kuznetsov**

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

goodjobman@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the legal status of non-fungible tokens (NFT) in the Russian Federation, the possibility of their acting as a subject of a bribe in accordance with the current legislation. It is concluded that it is necessary to further develop the legal regulation of this sphere.

Keywords: bribery, token, non-fungible token, NFT, criminal code, crypto asset

For citation: Kuznetsov D.E. Non-fungible tokens (NFT) as a subject of bribery. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2023;2(23): 31–37. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2023/06/004.pdf>. EDN: WVHZII.

© Кузнецов Д.Е., 2023

Введение

Цифровое пространство все больше входит нашу повседневную жизнь, становясь одной из ее значимых сфер, наряду с духовной, социальной, экономической и прочими. Многие из того, что еще недавно воспринималось как «виртуальное», сегодня обретает вполне реальные очертания, одновременно с этим вынося на повестку дня вопросы легализации и правового регулирования отдельных явлений и процессов. Одним из таких феноменов являются «невзаимозаменяемые токены» (non-fungible token или NFT), представляющие собой разновидность криптоактива.

Слово «токен» вошло в обиход в

XVII–XVIII веках, с началом выпуска английскими купцами и промышленниками «частных» или «суррогатных денег» – монет из недрагоценных металлов, для обращения на территории Англии и ее колоний, номинал которых существенно превышал их фактическую стоимость, по причине чего современники именовали данные монеты «символическими». Дословно «токен» переводится с английского языка как «знак» или «эмблема» [1, с. 7, 126, 170].

В современном контексте цифровой экономики «токен» зачастую употребляется с приставкой «цифровой» или «крипто» и рассматривается как цифровая единица, разновидность цифрового актива или циф-

ровое право [2, с. 6].

Невзаимозаменяемый токен есть единица цифровой информации, хранящаяся в распределенном реестре (технология блокчейн) и являющаяся невзаимозаменяемой с иными цифровыми активами [3, с. 1–2], то есть уникальной, в связи с чем стоимость каждого отдельно взятого токена определить невозможно. Его цена в определенный момент времени зависит исключительно от спроса и предложений на него и может находиться в диапазоне от нуля до бесконечности. У каждого NFT есть своя уникальная цифровая подпись, которая делает невозможным равнозначный обмен одного NFT-токена на другой, таким образом даже NFT одной категории или порядка не могут рассматриваться как эквивалентные друг другу.

Обладая инвестиционной привлекательностью и оборотоспособностью, невзаимозаменяемые токены активно покупаются, продаются и обмениваются на зарубежных онлайн-площадках, в том числе, с участием крупных аукционных компаний. Только в первый месяц 2023 года было совершено более 9 миллионов сделок с ними, а общий объем торгов достиг 946 миллионов долларов США¹.

Их очевидные коммерческие свойства дополняются самостоятельной ценностью, как предметов коллекционирования. Представляя собой виртуальный сертификат подлинности, своего рода цифровой «слепок» с оригинала, NFT связывает исходное цифровое произведение искусства (рисунок, музыку, видео и прочее) с токеном, фактически гарантируя собственнику подтверждение авторства и владения в момент времени, которое может быть проверено кем-либо по средством технологии блокчейн [4, с. 262]. Приведенные аргументы свидетельствуют о высокой ликвидности рассматриваемых токенов и высоком потенциале дальнейшего использования и применения.

Вместе с тем существуют очевидные проблемы и риски, сдерживающие как в целом развитие рынка цифровых финансовых активов в нашей стране, так и отдельных его составляющих. В числе подобных факторов исследователи выделяют не только ограниченно развитое правовое поле их регулирования, но также делают акцент на их высокой волатильности и спекулятивности [5, с. 81–82].

В настоящее время в отечественной науке происходит активный процесс теоретического и практического осмысления уго-

ловно-правового противодействия преступлениям, связанным с цифровыми финансовыми активами, в том числе, криптовалютами. В данном контексте целесообразно рассмотреть вопрос, могут ли невзаимозаменяемые токены быть использованы в качестве взятки, обладают ли они признаками предмета взяточничества.

Основная часть

Российское законодательство наделяет невзаимозаменяемые токены, равно как и криптовалюты, правовым статусом иного имущества [6, с. 136]. Их оборот в Российской Федерации законом не запрещен, соответственно, невзаимозаменяемые токены могут выступать объектом сделок купли-продажи, мены, дарения и прочих. Более того, права на цифровые финансовые активы могут отстаиваться в суде, что подтверждается судебной практикой [7, с. 74].

В странах запада рынок NFT уже на протяжении нескольких лет рассматривается как один из наиболее подверженных незаконной деятельности, такой как отмывание денег, мошенничество и прочие, а их практический опыт свидетельствует о том, что NFT-токены обладают признаками предмета преступления, например, могут быть конфискованы, арестованы².

Вместе с тем единый подход к определению правового статуса NFT, как и криптовалют, мировым сообществом не выработан и имеет диапазон от полной легализации до тотального запрета. В ряде стран имеет место дуалистический подход [8, С. 7–8].

В Российской Федерации рассматриваемые токены до конца не легализованы, а их оборот окончательно законом не урегулирован. Так, содержащееся в Федеральном законе от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ определение цифровых финансовых активов в полной мере не охватывает невзаимозаменяемые токены, соответственно, их правовое регулирование указанным законом возможно только опосредованно.

В целом существенно небольшое по количественным и качественным характеристикам специальное регулирование рассматриваемой сферы ставит правоприменителей в условия перманентного поиска правовых норм, прецедентов и прочего, что может быть применимо в целях отстаивания прав на токены [9, с. 65–66].

²В Великобритании впервые наложили арест на NFT. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/620a15e39a794765f9fc6076> (дата обращения: 23.02.2023).

³Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I), ст. 5018.

¹Рынок NFT сильно вырос за месяц. Кто больше заработал. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/63dd3c519a794764fbc7d770> (дата обращения: 23.02.2023).

Нахождение невзаимозаменяемых токенов за рамками российского правового поля не исключает возможность их применения в противоправных операциях, скорее даже наоборот. Отсутствие четкой регламентации обращения различных криптовалют, токенов и иных денежных суррогатов в Российской Федерации активно используется для прикрытия и осуществления незаконной деятельности различного характера, дает возможность сокрытия эпизодов совершения, изложенных в Уголовном кодексе общественно опасных деяний, равно как и ухода от предусмотренной законом ответственности в случае раскрытия противоправных схем [10, с. 52–53].

Корректное определение предмета взятки может являться ключевым аспектом в деле доказывания наличия состава преступления получения взятки. Определение предмета взятки как негодного есть аргумент в пользу отсутствия объекта преступления, со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями [11, с. 18].

Предмет взятки в широком смысле составляют деньги и иное имущество (в том числе предметы быта, спиртные напитки, антикварные и коллекционные вещи), а также различные имущественные выгоды. Обязательным признаком предмета взятки является его материальный характер. До сих пор основным предметом взятки принято считать деньги.

В этой связи сам порядок выявления и расследования преступлений рассматриваемой категории ориентирован и связан в большинстве своем именно с присутствием «денежной» или иной корыстной составляющей в том или ином виде, в то время как современные цифровые активы к деньгам возможно приравнять с большой натяжкой.

Обязательным, влияющим на квалификацию преступления, критерием предмета взятки, в зависимости от которого избирается мера ответственности, является размер взятки, выраженный в денежном эквиваленте, о чем говорится в абзаце 4 пункта 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».⁴ Стоимость каждого конкретного невзаимозаменяемого токена индивидуальна, не существует их усредненного курса, позволяющего вычислить их стоимость в момент времени. Наиболее часто покупаются и продаются они на аукционах в сети, либо же по индивидуальной договоренности между продавцом и покупателем. Этот процесс

отчасти схож с оборотом предметов искусства, с той лишь разницей, что предмет искусства изначально имеет ценность (культурную, художественную, историческую или иную), а невзаимозаменяемый токен – нет, так что оценить его действительную стоимость практически невозможно, так как цену на него назначает продавец исходя из своих оценочных суждений, а покупатель вправе как согласиться с ней, так и изменить ее в большую или меньшую сторону. В этой связи отсутствует объективная возможность вычислит какой-либо усредненный курс конкретного невзаимозаменяемого токена в момент времени, в том числе с учетом транзакций предыдущих периодов.

Невзаимозаменяемый токен может и вовсе ничего не стоить, в том случае, если на него не найдется покупатель. Усложняет процесс их оценки и тот факт, что сделки по купле-продаже происходят в большинстве случаев криптовалюте, правовой статус которой так же окончательно не определен в нашей стране.

Установить реальный размер взятки возможно только в том случае, когда имеет место договоренность между взяткодателем и взяткополучателем об эквивалентной денежной стоимости невзаимозаменяемого токена, либо же информация о прибыли, которую взяткополучатель рассчитывал извлечь из получения в собственность такого актива, в иных случаях размер взятки определить затруднительно [12, с. 118].

Не в полной мере возможно и использование в данном контексте практики, сложившейся в отношении предметов, изъятых или ограниченных в обороте, услуг, иных имущественных прав, ограниченных или запрещенных в гражданском обороте, когда они выступают в качестве предмета взятки. Во-первых, данный вопрос остается дискуссионным среди авторов в области уголовно-правовой доктрины [11, с. 18–24], а во-вторых, невзаимозаменяемые токены явно не относятся к перечисленному, так как не запрещены к обороту и не изъяты из него. Невзаимозаменяемые токены не относятся также ни объектами материального мира, ни к выгодам имущественного характера.

На практике, складывается парадоксальная ситуация, когда де-факто существует возможность использования невзаимозаменяемых токенов в качестве предмета взятки, в связи с тем, что они обладают не мнимой стоимостью и обращением, однако де-юре, под признаки предмета взятки они в полной мере не подпадают.

Отчасти решить данную проблему могло бы внесение изменений в действующее за-

⁴ Российская газета. 2013. 17 июля.

конодательство по примеру Республики Беларусь, где в качестве предмета взятки рассматриваются материальные ценности, либо выгоды имущественного характера без привязки к их ценностным характеристикам, передаваемые лицам, замещающим определенные должности и обладающим в связи с этим конкретным набором полномочий (пункт 5 Постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве»)⁵. Другой пример – опыт Китая, где законодательно закреплено и подчеркивается наличие у криптоактивов имущественных признаков и, соответственно, экономической ценности. Фиксация материальной ценности подобным образом позволяет рассматривать их в качестве предмета коррупционных преступлений [13, с. 16].

В этой связи, при выявлении и расследовании уголовных дел, связанных со взяточничеством, где в качестве предмета используются невзаимозаменяемые токены, необходим тщательный анализ и индивидуальный подход с учетом всех аспектов уголовного дела.

Судебной практики, где в качестве предмета взятки выступали бы невзаимозаменяемые токены, обнаружить не удалось, вместе с тем это не говорит о том, что невзаимозаменяемые токены не используются во взяточничестве, скорее наоборот подтверждает доводы о сложностях, возникающих в процессе выявления таких незаконных действий. Исследователи подробно описывают формы и способы того, как NFT и криптовалюты могут быть в действительности задействованы в коррупционных схемах, акцентируя внимание на их криминальном потенциале и новых формах «цифровой коррупции» [14, с. 182].

Примеров использования взаимозаменяемых токенов в коррупционных схемах, в частности, криптовалюты, становится все больше, несмотря на максимальную латентность преступлений такого рода. Так, в 2021 году было возбуждено уголовное дело в отношении нескольких членов совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук, созданного на базе Московского педагогического государственного университета по факту получения взятки, путем перечисления биткоинов на анонимные кошельки [15, с. 290–295]. NFT-токены, в свою очередь, активно применяются при созда-

нии финансовых пирамид и в различных сомнительных финансовых схемах, за счет своей популярности и узнаваемости, в том числе, в молодежной среде [16, с. 17–18].

Следует отметить, что только в 2014 году в нашей стране впервые состоялся судебный процесс, в котором фигурировала криптовалюта [17, с. 125], соответственно, времени для накопления достаточного объема судебной и правоохранительной практики, с того момента прошло еще недостаточно.

Исследователи сходятся во мнении, что установление стоимостных характеристик предмета взятки создает условия, в которых вне досягаемости действующих уголовно-правовых норм находится ряд факторов, к числу которых следует отнести и цифровые финансовые активы, фактически способных оказать стимулирующее воздействие на должностных лиц. Без урегулирования обозначенного противоречия дальнейшее развитие и совершенствование уголовно-правового механизма регулирования ответственности за взяточничество фактически невозможно.

На протяжении нескольких лет до фактического принятия Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в исследованиях различного характера авторы приходили к выводу о том, что вопрос необходимости правового регулирования статуса криптовалют на территории Российской Федерации актуальный и приоритетный, и что наличие слабых мест в определении статуса криптоактивов в действующих нормативных-правовых актах опосредованно влияет на их применение в незаконной деятельности [18, с. 282]. Аналогичную ситуацию можно спроецировать в отношении невзаимозаменяемых токенов. Говоря о финансово-правовой составляющей NFT, доминирующей выступает позиция, основанная на том, что в настоящий момент они не рассматриваются в качестве полноценного объекта финансово-правового регулирования [19, с. 91–92].

Фактически, отсутствие сформулированной позиции относительно применения на практике уголовно-правовых норм, в тех ситуациях, где предметом противоправного деяния являются различного рода криптоактивы, в том числе NFT, в значительной мере усложняет и затягивает окончательное решение вопроса определения правового статуса последних [20, с. 174].

⁵ Постановление пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6. О судебной практике по делам о взяточничестве. URL: https://court.gov.by/special/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vsgov/44eb448eac694076.html (дата обращения: 23.02.2023).

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I), ст. 5018.

Заключение

Таким образом, вопрос отнесения невзаимозаменяемых токенов к предмету коррупционных преступлений остается открытым, в связи с отсутствием законодательной позиции по данной проблеме, в то время как представляющие собой денежный суррогат цифровые финансовые активы продолжают применяться в качестве средства оплаты и обмена в различных сделках и договорах как законного, так и незаконного характера [20, с. 176]. Цифровые технологии в значительной мере определяют способ совершения преступлений, перенося взаимодействие между взятодателем и взятополучателем из реальности в сеть, где участникам криминальных сделок обеспечивается анонимность и оффшорность финансовых транзакций.

Рассматриваемая проблематика находится под пристальным вниманием на федеральном уровне уже не один год. Так, Национальным планом противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденным указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478, предусмотрен целый раздел, предусматривающий разработку мер по противодействию

новым формам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий. Кроме того, Министерство экономики Российской Федерации активно включилось в разработку регулирования рынка NFT, в частности, ведомство занимается подготовкой поправок в законодательство Российской Федерации, которые планируются до конца 2024 года.

В заключение следует констатировать, что в современных условиях общей международной напряженности, колоссального санкционного и иного внешнего давления на Российскую Федерацию, цифровые финансовые активы в нашем государстве нуждаются в скорейшем более детальном регулировании. Существует реальная необходимость не просто своевременной актуализации законодательной базы в соответствии с текущей конъюнктурой, путем внесения изменений в действующие нормативные правовые акты и принятием новых, а срабатывании на опережение, предугадывая развитие и распространение тех или иных тенденций в виртуальном мире и цифровой среде, обеспечивая нормативно-правовую регламентацию процессов, протекающих в сети.

Список источников

1. Шапкин И. Н. Монеты и банкноты от Античности до наших дней: происхождение и эволюция: учебник / И. Н. Шапкин, Н. А. Разманова, А. В. Пачкалов [и др.]. М. : ООО «Издательский Дом "Вузовский учебник"», 2022. 216 с.
2. Комлев Н. Ю. Правовая природа токена (цифрового права) как нового объекта гражданских правоотношений // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2(8). С. 59–62.
3. Chohan Usman W. Non-Fungible Tokens: Blockchains, Scarcity, and Value (March 24, 2021). Critical Blockchain Research Initiative (CBRI) Working Papers, 2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=3822743> (<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3822743>) (дата обращения: 18.05.2021).
4. Ванцовская А. А. Цифровое искусство на блокчейне и NFT-рынок // StudNet. 2021. № 7. С. 258–264.
5. Кошелев К. А. Тенденции развития рынка цифровых финансовых активов в контексте цифровой трансформации мировой экономики // Финансы: теория и практика. 2022. № 4. С. 80–94.
6. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–154.
7. Емельянов Д. С., Емельянов И. С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 10. С. 71–76.
8. Русскевич Е. А. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере оборота криптовалют: учебное пособие / Е. А. Русскевич, А. В. Андреев, Д. В. Галиев [и др.]. М. : НИЦ «Инфра-М», 2023. 211 с.
9. Харитонов Ю. С. Токенизация искусства и право интеллектуальной собственности // Юрист. 2021. № 9. С. 65–73.
10. Ильяшенко Е. А. О перспективах привлечения к уголовной ответственности за использование криптовалют в преступных целях // Российский следователь. 2018. № 8. С. 51–54.
11. Никонов П. В. К вопросу о понятии предмета коррупционных преступлений, связанных с получением и дачей взятки и иными видами незаконного вознаграждения // Мировой судья. 2021. № 3. С. 18–24.

12. Щепельков В. Ф. Некоторые проблемы квалификации получения взятки // Уголовное право. 2013. № 5. С. 117–119.
13. Долгиева М. М. Квалификация деяний, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 9–20.
14. Попова С. А., Акулин С. В. Новые формы коррупции, связанные с цифровыми технологиями // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 178–185.
15. Осипенко О. В. Корпоративная конфликтология: монография. М. : Статут, 2022. 760 с.
16. Кашапова Э. Р. Финансовые пирамиды с использованием NFT-технологии / Э. Р. Кашапова, М. В. Рыжкова Ж. А. Ермушко [и др.] // Векторы благополучия: технология и социум. 2022. № 4. С. 12–22.
17. Максуров А. А. Блокчейн, криптовалюта, майнинг: понятие и правовое регулирование: монография. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2020. 198 с.
18. Ализаде В. А., Волеводз А. Г. Судебная практика по делам о преступлениях преступных сообществ (преступных организаций) в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и криптовалюты // Библиотека криминалиста. 2017. № 6 (35). С. 281–299.
19. Ситник А. А. NFT как объект правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12 (145). С. 84–93.
20. Долгиева М. М. Противодействие криптопреступности уголовно-правовыми средствами // Актуальные проблемы Российского права. 2023. № 2(147). С. 171–177.

References

1. SHapkin I.N., Razmanova N.A., Pachkalov A.V. Monety i banknoty ot Antichnosti do nashih dnei: proiskhozhdenie i evolyuciya. Moscow: OOO «Izdatel'skij Dom "Vuzovskij uchebник"». 2022. (In Russ.).
2. Komlev N.YU. Legal nature of a token (digital law) as a new object of civil legal relations. In: Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019;2(8): 59–62. (In Russ.).
3. Chohan Usman W. Non-Fungible Tokens: Blockchains, Scarcity, and Value (March 24, 2021). Critical Blockchain Research Initiative (CBRI) Working Papers, 2021. Available from: <https://ssrn.com/abstract=3822743> (<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3822743>) [Accessed 18th May 2021]. (In Russ.).
4. Vancovskaya A.A. Blockchain Digital Art and the NFT Market. In: StudNet. 2021;7: 258–264. (In Russ.).
5. Koshelev K.A. Trends in the development of the digital financial assets market in the context of the digital transformation of the global economy. In: Finance: theory and practice. 2022;4: 80–94. (In Russ.).
6. Savel'ev A.I. Cryptocurrencies in the system of objects of civil rights. In: Law. 2017;8: 136–154. (In Russ.).
7. Emel'yanov D.S., Emel'yanov I.S. Non-fungible tokens (NFT) as an independent object of legal regulation. In: Property relations in the Russian Federation. 2021;10: 71–76. (In Russ.).
8. Russkevich E.A., Andreev A.V., Galiev D.V. Protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym v sfere oborota kriptovalyut. Moscow: NIC «Infra-M». 2023. (In Russ.).
9. Haritonova YU.S. Tokenization of art and intellectual property law. In: Lawyer. 2021;9: 65–73. (In Russ.).
10. Il'yashenko E.A. On the prospects for criminal prosecution for the use of cryptocurrencies for criminal purposes. In: Russian investigator. 2018;8: 51–54. (In Russ.).
11. Nikonov P.V. To the question of the concept of the subject of corruption crimes related to receiving and giving a bribe and other types of illegal remuneration. In: Magistrate. 2021;3: 18–24. (In Russ.).
12. SHЧепел'kov V.F. Some problems of qualification of receiving a bribe. In: Criminal law. 2013;5: 117–119. (In Russ.).
13. Dolgieva M.M. Qualification of acts committed in the field of cryptocurrency circulation. In: Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019;1 (88): 9–20. (In Russ.).
14. Popova S.A., Akulin S.V. New forms of corruption associated with digital technologies. In: Legal Science. 2023;3: 178–185. (In Russ.).
15. Osipenko O.V. Korporativnaya konfliktologiya. Moscow: Statut. 2022. (In Russ.).

16. Kashapova E.R., Ryzhkova M.V., Ermushko ZH.A., Latyshev N.A. Financial pyramids using NFT-technology. In: Vectors of well-being: technology and society. 2022;4: 12–22. (In Russ.).
17. Maksurov A.A. Blokchejn, kriptovalyuta, majning: ponyatie i pravovoe regulirovanie. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya «Dashkov i Ko», 2020. (In Russ.).
18. Alizade V.A., Volevodz A.G. Judicial practice in cases of crimes of criminal communities (criminal organizations) in the field of drug trafficking, committed using the Internet information and telecommunication network and cryptocurrency. In: Forensic Library. 2017;6 (35): 281–299. (In Russ.).
19. Sitnik A.A. NFT as an object of legal regulation. In: Actual problems of Russian law. 2022;12 (145): 84–93. (In Russ.).
20. Dolgieva M.M. Countering cryptocrime by criminal law means. In: Actual problems of Russian law. 2023;2(147): 171–177. (In Russ.).

Информация об авторах (авторе)

Д. Е. Кузнецов – кандидат исторических наук

Статья поступила в редакцию 11.05.2023;
одобрена после рецензирования 30.05.2023;
принята к публикации 26.06.2023.

Information about the author (authors)

D. E. Kuznetsov – Candidate of Science
(History)

The article was submitted 11.05.2023;
approved after reviewing 30.05.2023;
accepted for publication 26.06.2023.